ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИКОНИЧЕСКОЙ ПАРЕМИИ В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА В. ШУКШИНА) /

THE FUNCTIONING OF ICONIC PAREMIOLOGY IN ORIGINAL AND TRANSLATED TEXTS (BASED ON THE LITERARY DISCOURSE OF V. SHUKSHIN)

Irina CILOCI, PhD Student
("Alecu Russo" Balti State University, Republic of Moldova)

irusik_2005_89@mail.ru
https://orcid.org/0009-0009-0994-0529

Received: June 4, 2025 | Reviewed: June 17, 2025 | Accepted: June 25, 2025
UDC 81 | https://doi.org/10.62413/cqm.2025.28

Abstract

The research focuses on the functioning of iconic paroemia in the original and translated texts (on the basis of V. Shukshin's fictional discourse). V. Shukshin's creative activity has become the scope of the study of both Russian and a lot of foreign researchers as in the writer's literary works the author's and characters' voices are uniquely individual. In certain instances occasional paroemia is used in the author's fictional discourse, which is certain to impede the correlation of such phrases into the Romanian language within the limits of the equivalency of the common linguistic units of the Russian and Romanian phraseological stock. Upon analyzing phraseologisms, we conclude that their equivalents are exact on the semantic level and less frequently precise on the lexical one, which proves the crucial significance of iconic paroemia not only within the language system, but also within fictional discourse.

Keywords: *paremiology, discourse, interpretation, translation, text*

В условиях современной жизни учеными отмечается возрастающий интерес к различного рода устойчивым образованиям речи: афоризмам,

молодежному, компьютерному арго, паремиям. Подобный интерес детерминируется стремительным развитием культуры и науки на сегодняшний день. Исследователи ставят своей целью раскрыть особенности национального мировосприятия того или иного этноса или, напротив, пытаются обнаружить универсальные категории, отражающие ментальные основы, свойственные разным этносам. Единицы паремиологии помогают пониманию духовного мира человека, делают возможным прикосновение к сокровищнице философии и культуры отдельного народа.

Пословица является важным носителем национальной культуры, образцом народной психологии, осмыслением социального и исторического опыта этноса и, следовательно, – выступает одним из основных предметов изучения лингвокультурологов, которые наряду с отдельными этнокультурно маркированными единицами паремиологии и их компонентами исследуют семантические группировки паремий, а также пословичных концептов и фрагментов картины мира.

В русском языкознании исследование паремиологического пространства постепенно оформляется в отдельное направление, фонд паремий представляет на сегодняшний день объект изучения как лингвистов и фольклористов, так и лингвокультурологов, когнитивистов, например, в трудах трудах М.А. Алексеенко, Н.Ф. Алефиренко, О.В. Беловой, Ю.С. Степанова, В.Г. Костомарова, С.Г. Воркачева, Б.Ю. Нормана (2004), В.Н. Телия, А.Д. Шмелева и др.

В работе представлен следующий понятийно-терминологический аппарат: паремия, пословица, поговорка, трансформ, текст, дискурс, текстообразующая функция, структурно-смысловая организация текста, ключевые компетенции, опытное обучение, дидактические стратегии, образовательная парадигма, личностно-ориентированный подход и др. Особо оговорим тот факт, что в лингвистике различение понятий «текст» и «дискурс» является спорным вопросом. Под текстом обычно понимается результат словесного творчества, характеризующийся целостностью, завершенностью, модальным характером, прагматической установкой, интертекстуальностью и т.д., в то время как дискурс охватывает более широкую область, включающую также и экстралингвистические условия создания и восприятия текста; другими словами, текст обычно относят к единицам языка, а дискурс – к единицам речи. Тем не менее, разделяем точку зрения Л.М. Васильева, согласно которой указанные термины употребляются как синонимы (Васильев, 2012, с. 20).

Научная новизна в исследовании данной проблемы заключается в формировании ценностных отношений и ориентиров учащихся при изучении паремий и при использовании паремий в собственной речи,

а также в формировании межкультурной компетенции, так как понимание национальной специфики дискурса своего собственного этноса будет способствовать адекватному восприятию аксиологических представлений и стереотипов поведения. В русле современной образовательной парадигмы важной задачей обучения языку становится реализация антропоцентрической парадигмы преподавателем русского языка и литературы, который соотносит язык с человеческим мышлением, социокультурными факторами.

Национально – культурная семантика языка важна и интересна вне зависимости от конкретного языка и присутствует на всех его уровнях: и в грамматике и в синтаксисе, не исключая и фонетики.

Однако более полно и ярко она проявляется в таких единицах языка, как слова, фразеологизмы и языковые афоризмы, включающие в себя пословицы, поговорки и крылатые выражения. Именно этот пласт языка непосредственно отражает внеязыковую действительность, называет предметы и явления окружающего мира, фиксирует содержание. Восходящее к условиям жизни народа – носителя того или иного языка, являясь зеркалом и хранителем национальной культуры (Орлянская, 2003, с. 19, 3).

Пословицы и поговорки являются тем пластом, который наиболее полно и ярко выражают национально – культурную семантику языка. Именно они называют предметы и явления окружающего нас мира, фиксирует содержание, восходящее к условиям жизни народа - носителя того или иного языка, являясь зеркалом и хранителем национальной культуры.

Выявление особенностей национальной истории и быта, наблюдений и обобщений, сделанных разыми народами и запечатленных в языке в форме пословиц и поговорок, многие исследователи изучают посредством сопоставительного анализа русских, французских и английских пословиц и поговорок с применением лингвострановедческого комментария.

Лингвострановедческий комментарий раскрывает национальные особенности восприятия внеязыкового факта, восполняет недостающие фоновые знания, необходимые для понимания незнакомых реалий, а также выявляет специфически национальные, культурно-бытовые или иные коннотации.

Исследователь Тер–Минасова С. Г. говорит о том, что в идиоматике языка, то есть в том слое, который, по определению, национально специфичен, хранится система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, к людям, к другим народам (Тер–Минасова, 2000, с. 11).

Так, пословицы и поговорки в художественной литературе наиболее наглядно демонстрируют и образ жизни, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой.

Творчество В. Шукшина стало предметом изучения многих зарубежных исследователей. Н.Н. Стопченко в книге «Василий Шукшин в зарубежной культуре» отмечал, что, «отразив русскую точку зрения» на существенные проблемы жизни в эпоху постмодерна, пронизав ее душевной болью и человеческим страданием из-за несовершенства нашего мира, гражданской ответственностью перед днем нынешним и завтрашним, он «ответил потребностям определенного времени», «постиг его сверлящий нерв», чем открыл себе дорогу к самой широкой иностранной аудитории» (Стопченко, 2001, с. 87).

Произведения В. Шукшина переведены на многие иностранные языки. Зарубежные русисты и переводчики успешно решают нелегкие проблемы перевода (Джон Гивенс, Диана Немец-Игнашева, Михаэла Морару и др.). В частности, чешские ученые (Мирослав Заградка, Яна Совакова, Ирина Свободова) пишут о влиянии кинематографических приемов на конфликтную, диалогичную прозу писателя и о том, что для сохранения динамичности шукшинской разговорной речи приходится обращаться к грамматическим формам чешского бытового языка и фонетическим просторечным формам.

Язык и стиль произведений В. Шукшина - обширная и далеко еще не изученная область. Многие ученые обратили внимание и на художественно-речевую структуру прозы писателя, и на фонетический, лексический, морфологический и синтаксический уровни шукшинского языка. В частности, они справедливо отмечают, что в прозе В. Шукшина встречаются звукоподражание, звуковые повторы, соединения звукофонемных рядов ("И быстротечные эти светлые лики сплетались, расплетались, качались, трепетали"). Воплощающий народно-речевую стихию лексический уровень включает просторечное, диалектное, фольклорное слово (разболочься, вихляться, раздрызганный и др.).

В произведениях В. М. Шукшина авторская речь и речь героев неповторимо своеобразны, как-то по-особому выразительна, метка и образна. Чем достигается данный эффект? Анализ ряда произведений В. М. Шукшина показал, что этому в немалой степени способствует использование иконической паремии в речи автора и его героев.

С первых же строк любого рассказа Василия Макаровича Шукшина читателя захватывает стихия живой, богатой, полнокровной русской речи.

Творчество Шукшина развивалось под влиянием разговорного народного языка. Но это влияние не отрицает оригинальности самого Шукшина, да и его рассказов в целом. Поэтому в своих рассказах он пользуется не только средствами современного русского языка, но и диалектизмами, неологизмами, жаргонными словами и выражениями. Всё это помогает Шукшину создать свой, ни на чей не похожий, чудо-язык, необычно сочный, живой, динамичный.

В языке Шукшина очень трудно установить грань между литературным и разговорным языком – они неотделимы. Это, прежде всего, отражается на его необычной, сказовой манере, с помощью которой автор сохраняет местных языковой колорит своих рассказов.

В уста своих персонажей Шукшин вкладывает много местных слов и выражений, которые ни в коей степени не кажутся лишними. Они несут на себе характерологическую функцию естественно и свободно.

Язык Шукшина, как и язык В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина и др., раскован, подвижен и самобытен. Интонация его рассказов удивительно разнообразна и богата всевозможными оттенками. Порой и сам не замечаешь, как становишься частичкой шукшинской мечтательности и лиричности, грусти и юмора.

Характерной чертой произведений Шукшина является употребление фразеологизмов.

Однако нет никакой мерки, которая определила бы, сколько фразеологизмов может употреблять писатель в языке своих произведений. Самое главное – с какой естественностью и идейно-художественной мотивированностью фразеологизмы вводятся в текст. Перенасыщенность или отсутствие фразеологизмов в произведении лишает язык национального колорита, делает его бедным.

Степень стилистической активности фразеологизмов в художественных произведениях различных авторов зависит от индивидуальной склонности того или иного писателя, его принадлежности к определённому литературному произведению.

Фразеологический состав литературного наследия Шукшина весьма разнообразен. Употребление фразеологизмов в тексте также разнородно – от книжных штампов до предельно насыщенных динамикой и экспрессией разговорных и просторечных фразеологизмов.

Всегда является творческим стилистическое использование фразеологизмов писателями. Приёмы их употребления могут быть самыми различными.

У Шукшина есть ещё одно большое достоинство – прекрасное знание русской фразеологии с её интереснейшим свойством – способностью трансформироваться.

Существует два способа трансформации:

- 1 способ - внутрисистемный (языковой) тип, т.е. это такие изменения, которые заложены и предопределяются самой системой данного языка;
- 2 способ – индивидуально-авторский тип, т.е. те преобразования, которые выходят за пределы норм языка.

Шукшин в своих рассказах использует как первый, так и второй тип преобразования. Но для нас представляет интерес второй тип, т.е. индивидуально-авторские преобразования.

Таким образом, в рассказах Шукшина паремии выполняют различные функции: передают эмоциональное состояние героя (например, От одной езды сердце замирало); используются вместо конкретного описания соответствующего положение вещей (пословица – не было бы счастья, да несчастие помогло): дают физическое описание героя (например пословицы – перескакивает с пятого на десятое, «Вон руки – то ходуном ходют» и другие).

Также интересно отметить, что в своих произведениях Шукшин трансформирует фразеологические единицы, добавляя, убирая или заменяя один из элементов. Например, «сердце лопнет от всего этого» (сердце падает/обрывается), «места здешние он знал как свои восемь пальцев» (Миль пардон, мадам!). На первый взгляд замена одного из элементов непонятна. Но, прочитав рассказ, мы узнаем, что главный герой Бронька Пупков не имеет двух пальцев на правой руке, поэтому замена одного из элементов поговорки оправдана.

При помощи изменений в составе некоторых фразеологизмов Шукшин создает стилистические эффекты. Шукшин употребляет наряду с ФЕ и свободные сочетания слов.

То же можно и сказать о таких фразеологизмах, используемых Шукшиным в своих текстах, как: «как две капли воды», «играть роль», «рубить с плеча», «реветь белугой», «наступать на больную мозоль», «согнуться в три погибели» и другие.

В контексте реализуются потенциальные свойства семантики фразеологизма; происходит конкретизация и актуализация его значения.

Это происходит и с такими фразеологизмами, например: клевать носом – задремать на мгновение, горе луковое – незадачливый, нерасторопный и так далее.

Анализируя фразеологизмы, мы отмечаем, что в рассказах Шукшина они приобретают особую окраску и значение, то есть, читая текст, мы еще и воспринимаем информацию, которая находится как бы между строк, подтекст.

Шукшин использует такие фразеологические выражения, в которых в большей или меньшей степени мотивирован и обусловлен значениями слов-компонентов.

Так, например: "исчезать с горизонта" - из определенного общества, из круга знакомых, близких и т. п.

Важную роль играют в текстах Шукшина стилистически окрашенные паремии.

Так, использование паремических выражений В. М. Шукшиным в произведениях разной стилистической направленности можно разделить на три группы: межстилевая фразеология, разговорно-бытовая и книжная.

К межстилевым фразеологическим оборота относятся, например: *лицом к лицу* – совершенно рядом, в непосредственной близости, очень близко; *сам ты себе голова, света белого не вижу* – быть обремененным непосильной работой, заботами; *не поймешь, что у него на уме*; *жизнь шла своим чередом.*

Во *Фразеологическом словаре русского языка* под редакцией А. И Молоткова дано такое толкование фразеологическому обороту: *честь по чести* - так, как следует, как надо, как положено, по всем правилам (делать что-либо). «Все будет, как в аптеке. Отдохнете, успокоите нервы» (В. М. Шукшин, *Миль пардон, мадам*!). Фразеологическому обороту *как в аптеке* дано следующее толкование: совершено точно.

Фразеологические обороты разговорно-бытового характера имеют более узкую сферу употребления и несут в себе «сниженную» экспрессивно-стилистическую окраску (ласки, бранности, иронии, презрения, шутки, фамильярности и т. д.). Например: *катил шары, елки зеленые, мокрое место останется* - будет совсем уничтожен; *ни хрена с тобой не случится, плевали они на эти законы, не распускай слюни* – не плачь, не начинай плакать; *ты, белены, что ли объелся* - обезумел, одурел; *Жить бы да жить вам, молодым... А вас... как этих... как угорелых по свету носит, места себе не можете найти. Голод тебя великий воровать толкнул? С жиру беситесь, окаянные* («охота жить»). Фразеологический оборот *с жиру беситься* имеет значение «привередничать от пресыщения или безделья».

Фразеологизмы книжного характера употребляются обычно в научных и публицистических произведениях, а также в художественных. Они отличаются своей специфической «повышенной» экспрессивно-стилистической окраской (книжности, торжественности, поэтичности и т. д.). Например: *похож, как две капли воды* – сильно похож; *погиб при исполнении служебных обязанностей*; *фома неверующий* - человек, которого трудно заставить поверить чему-либо; «На книге, которую он подарит Анне Афанасьевне, он напишет: «Фоме неверующему - за добро и науку. Автор» («Шире шаг, маэстро!»). Использование книжного фразеологизма в данном случае уместно и оправданно, так как это речь человека с высшим образованием, врача Солодовникова, мечтающего написать книгу.

Часто фразеологические обороты, как испытанный традиционный прием, используется писателем для выражения своего отношения к героям.

Например, «Завтра Глеб Капустин, придя на работу, между прочим (играть будет) спросит мужиков: «Ну, как там кандидат-то? И усмехнется» («Срезал»).

Так как существует только переводы нескольких произведений Шукшина на румынский язык мы прежде всего опираемся на них. Но для того чтобы выявить специфику перевода паремий на румынский

язык ряд текстов мы перевели самостоятельно. «Сураз», «Миль пардон, мадам!», «Охота жить», «Срезал», «Шире шаг, маэстро!», «Выбираю деревню на жительство» и другие. Исходя из основной цели такого сопоставительного анализа, нашей задачей было выяснить насколько адекватным может быть, с точки зрения формы и содержания, эквивалент фразеологизма русского языка в румынском языке. С этой целью мы опирались на данные Фразеологического словаря румынского языка под редакцией Г. Колцун. И такое сопоставление позволяло нам делать вывод о степени идентичности фразеологических единиц в оригинальном тексте рассказов Шукшина и его транслятах на румынский язык.

Так, анализируя фразеологизмы, мы отметили, что их эквиваленты точны на смысловом уровне, реже на лексическом.

Например, «турусы разведут», во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова, данная фразеологическая единица имеет следующее значение: 1) говорить чепуху, вздор; небылицы; врать; 2) болтать о чем – либо, вести пустые разговоры, разговаривать. При калькировании смысл паремического выражения передан с максимальной степенью адекватности, но во фразеологическом фонде румынского языка данная семантика «говорить чепуху» передается фразеологической единицей « a vorbi vrute şi nevrute» эквивалентным с точки зрения содержания. На наш взгляд, в русском языке фразеологическая единица «турусы разведут» звучит наиболее выразительно, ярко (Молотков, 1968).

Следующий фразеологизм, который часто встречается в рассказах В. М. Шукшина – «пороть горячку». В словаре русских фразеологизмов данная единица означает – действовать с крайней поспешностью, горячностью. Сравнивая с транслятом отметим, что смысл фразеологического выражения передан максимально точно. Во фразеологическом фонде румынского языка данная семантика «действовать с крайней поспешностью, горячностью» передается паремической единицей «a vorbi anăpoda» (говорить невпопад) эквивалентным и с точки зрения содержания. Но, данный фразеологизм наиболее выразителен в контексте рассказов Шукшина, поскольку автор употребляет ее исключительно для передачи колорита и характера героя.

В своих рассказах Шукшин использует самые яркие примеры и под пером автора они становятся еще более интересны. Например, фразеологизм «пялить глаза» - пристально, упорно, напряженно смотреть на кого-либо или что-либо, рассматривать, засматриваться, при транслировании смысл паремического выражения передан с максимальной степенью адекватности, во фразеологическом фонде румынского языка данная семантика «пристально смотреть» передана паремической единицей «a se uita lung», которая не точно передает значение фразеологизма, используемого В. М. Шукшиным.

Смысл фразеологической единицы «раз и навсегда» передан с максимальной степенью адекватности, но в паремическом фонде румынского языка данная семантика «на все время» передается фразеологическим выражением «odata pentru totdeauna» эквивалентным с точки зрения и формы и содержания.

Также частотно употребление в произведениях В. М. Шукшина фразеологизма «сердце кровью обливается», который получил следующее объяснение во «Фразеологическом словаре русского языка»: кому-либо невыносимо тяжело от душевной боли, чувства сострадания, жалости, щемящей тоски и т. п. Во фразеологическом фонде румынского языка данная семантика передается фразеологической единицей « cu inima sîngerata», которое является эквивалентным с точки зрения содержания.

Паремическое выражение «как свои пять пальцев» в румынском языке звучит следующим образом «ca pe cele cinci degete» и в обоих языках носят одно и то же значение как: знать очень хорошо, досконально, основательно. При калькировании данного паремического выражения мы отметили, что смысл фразеологизма передан с максимальной точностью; данное паремическое выражение эквивалентно с точки зрения и формы и содержания. В рассказе «Земляк» фразеологизм «душа в пятки ушла» эквивалентна по содержанию румынскому варианту «inima s-a dus in calcai», что в обих языках имеет одно значение – испытать сильный испуг, но заменяется одна из лексем – душа (sufletul) в русском языке, inima (сердце) – в румынском.

Точность румынских эквивалентов объясняется общностью происхождения данной фразеологической единицы.

Все эти значения и тонкие эмоциональные элементы трудно передать другим языком. Поэтому в своем большинстве паремические единицы, использованные В. М. Шукшиным в его рассказах, имеют не всегда точный эквивалент.

Но существуют и такие фразеологизмы, которые не имеют эквивалента во фразеологическом фонде румынского языка. Например: «исчезнуть с горизонта», что означает в словаре «исчезнуть из определенного общества, из круга знакомых, близких.

В отдельных случаях в художественном дискурсе В. М. Шукшина используется окказиональная паремия, что естественно делает невозможной корреляцию таких выражений на румынский язык в рамках эквивалентности узуальных единиц русского и румынского фразеологического фонда.

Таким образом, мы наблюдали интереснейший процесс функционирования фразеологических единиц в художественном дискурсе, где каждое паремическое выражение получает свое назначение в тексте. Можно говорить о чрезвычайно важной роли иконической паремии не только в системе языка, но и в рамках художественного дискурса.

Относительно перевода фразеологичных единиц, то здесь, как отмечалось выше, нет единства среди переводоведов. А. Кунин выделяет следующие способы перевода фразеологизмов: полный эквивалент, частичный эквивалент (контекстуальный), калькирование (дословный перевод) и описательный перевод. В отечественной научной литературе к основным способам перевода фразеологических единиц также относят антонимический и комбинированный перевод, лексический перевод и воспроизведение фразеологизмов свободным словосочетанием. Полными эквивалентами фразеологизмов можно считать такие, которые совпадают в обоих языках по значению, лексическому составу, образности, стилистической расцветке и грамматической структуре. Полным фразеологическим эквивалентом передаются прежде всего фразеологические единицы интернационального характера, которые возникли на основе мифов, легенд, библейских и литературных сюжетов, исторических фактов. Частичный фразеологический эквивалент — это тип переводческого соответствия, в котором образная основа, метафоричность отличается от оригинала. Описательный перевод является способом передачи основного значения фразеологизма с помощью свободного словосочетания или предложения. Метод калькирования применяется в тех случаях, когда переводчик хочет выделить буквальную основу фразеологизма или, когда фразеологический оборот не может быть переведен с помощью других видов перевода, например. Сугубо лексический перевод применяется в тех случаях, когда настоящее понятие обозначено в одном языке фразеологизмом, а в другом — словом.

Библиография

Комиссаров, В. (1990). *Теория перевода*. Высшая школа / Komissarov, V. (1990). *Teorija perevoda*. Vysšaja škola.

Лильева, К. (1998). *Введение в общую теорию перевода* / Lil'eva, K. (1998). Vvedenie v obŝuju teoriju perevoda.

Макаров, А. (1974). Василий Шукшин. «Там, вдали». В: Макаров, А.Н. *Критик и писатель* (с. 254-257) / Makarov, A. (1974). Vasilij Šukšin. «Tam, vdali». In: Makarov, A.N. *Kri-tik i pisatel'* (c. 254-257).

Молотков, А. (1968). *Фразеологический словарь русского языка*. Сов. энциклопедия / Molotkov, A. (1968). *Frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka*. Sov. èncikloredija.

Орлянская, Т. (2003). Национальная культура через призму пословиц и поговорок. В: *Вестник МГУ*, 19(3) / Orljanskaja, T. (2003). Nacional'naja kul'tura čerez prizmu poslovic i pogovorok. B: *Vestnik MGU*, 19(3).

Пашкова, А. (1994). *Значение фразеологизма и контекст* / Paškova, A. (1994). *Značenie frazeologizma i kontekst*.

Стопченко, Н. (2001). *Василий Шукшин в зарубежной культуре*. Изд. Ростовского университета / Stopčenko, N. (2001). *Vasilij Šukšin v zarubežnoj kul'ture*. Izd. Rostov-skogo universiteta.

Тер–Минасова, С. (2000). *Язык и межкультурная коммуникация* / Ter–Minasova, S. (2000). *Jazyk i mežkul'turnaja kommunikacija*.

Тураева, З. (1986). *Лингвистика текста. Текст: структура и семантика* / Turaeva, Z. (1986). *Lingvistika teksta. Tekst: struktura i semantika*.

Федоров, А. (2002). *Основы общей теории перевода*. СпбГУ / Fedorov, A. (2002). *Osnovy obŝej teorii perevoda*. SpbGU.

Вюильмар, Фр. (2011). Перевести значит прочесть. *Иностранная лит-ра*, 11, 273 – 274 / Vjuil'mar, Fr. (2011). Perevesti značit pročest'. *Inostrannaja lit-ra*, 11, 273 – 274.

Чувакин, А. (1997). *Проза В. М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60 – 70-х годов*: коллект. моногр. / Čuvakin, A. (1997). *Proza V. M. Šukšina kak lingvokul'turnyj fenomen 60 – 70-h godov*: kollekt. monogr.

Шукшин, В. (1984). *Я пришел дать вам волю. Романы. Повести. Рассказы*. Литература артистикэ / Šukšin, V. (1984). *Ja prišel dat' vam volju. Romany. Povesti. Rasskazy*. Literatura artistikè.

Benveniste, E. (1985). *On Discourse*. Manchester University Press.

Danilov, I. (1997). *Repere ale paremiologiei româneşti*. Moldova.

DEX (1998). http://www.ziarullumina.ro/articole;957;0;25752;0;Dictionar-liturgic.html.

Dicționar frazeologic român-rus. Red. Gh. Colțun (1996). Editura ARC.

Ruxandoiu, P. (2001). Rezonanțe paremiologice în creația marilor prozatori români. *Limba şi literatura*, 3-4, 89–100.